

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

*В.В. СОГРИН***Барак Обама:
внешняя политика
либерального прогрессиста**

Президент США Б. Обама получает неоднозначные оценки как в своей стране, так и за рубежом. Автор статьи видит задачу во взвешенной, учитывающей разнообразные аспекты, оценке Обамы, ограничивая себя рассмотрением его внешней политики. Ей, в сопоставлении с предшественниками Обамы, свойственны как преемственность, так и новаторство, которого многие в России не хотят признавать.

Ключевые слова: либеральный прогрессизм, нововведения внешней политики Б. Обамы.

The U.S. President B. Obama receives a mixed assessment both at home and abroad. American society is splitted in attitude towards the President. The vast majority of Russian analysts estimate Obama's foreign policy critically, believing that he continues imperial strategy of his predecessor George W. Bush. The author sees his task in a balanced, taking into account a variety of aspects, assessment of Obama, restricting analysis to the consideration of foreign policy. Foreign policy of Obama, in comparison with his predecessors, is characterized by serious innovations.

Keywords: B. Obama, liberal progressivism, innovations in foreign policy.

Президент США Б. Обама, избранный в 2008 г. и переизбранный в 2012 г., получает неоднозначные оценки как в своей стране, так и за рубежом. Американское общество в отношении к своему президенту расколото пополам. Консервативная половина и англосаксонское ядро судят о нем острокритически, отвергают большую часть его внутриполитических и внешнеполитических инициатив. Для “неоконов”, как именуют неоконсервативных идеологов в Республиканской партии, он – предатель национальных интересов США. Либеральная половина Соединенных Штатов в целом оценивает его положительно, но порой неоднозначно. Многие традиционные либералы считают его политику отклонением “влево”, особенно в вопросах гендерной и расово-этнической политики, как и в глобальном видении нового миропорядка. И действительно, Обама развивает либерализм в том направлении, которое некоторые американские исследователи именуют *прогрессистским*. Так оно и есть. Обама – либерал-прогрессист и во внутренней, и во внешней политике.

Согрин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, главный редактор журнала “Общественные науки и современность”.

В России об Обаме судят, в первую очередь, по его внешней политике. Подавляющее большинство аналитиков оценивают ее острокритически, полагают, что президент-демократ продолжает имперскую политику своего предшественника Дж. Буша-младшего. Провозглашенную им политику “перезагрузки” в отношениях с Россией объявляют провальной. Достается Обаме и за его постмодернистские социокультурные взгляды. Я ограничусь лишь рассмотрением *sine ira et studio* внешней политики Обамы, разнообразных аспектов его деятельности, в ее преемственности, так и в новаторстве, которого многие в России не хотят замечать.

Обама пришел к власти с требованием радикального пересмотра как внутренней, так и внешней политики Дж. Буша-младшего. Во внешней политике его не устраивала в первую очередь политика США на Ближнем и Среднем Востоке, особенно катастрофическая неудача в Ираке. Он считал глубоко ошибочной внешнеполитическую стратегию Буша-младшего в целом. Причина ее провала – несостоятельность основополагающего замысла. Буш-младший и “неоконы” самоуверенно исходили из того, что США, оказавшись в условиях крушения Ялтинско-Потсдамского миропорядка единственной сверхдержавой, способны утвердить монополию в управлении международными отношениями и не просто подчинить себе новый миропорядок, но совершить всемирную “демократическую революцию” по американской модели. Внешнеполитическая практика обнаружила полный утопизм концепций “однополюсного мира”, “нового американского века”, равно как и иных имперских неоконсервативных фантазий. Америка надорвалась, внешнеполитические провалы усугубили внутривнутриполитические кризисные явления, приведя в совокупности к самому серьезному подрыву американского влияния в мире за 50 лет.

Уже за два года до окончания президентства Буша-младшего подавляющее большинство американцев резко осуждали его внешнюю политику. Хотя “неоконы” во главе с самим Бушем доказывали, что благодаря стратегии “продвижения демократии” она была утверждена в Ираке, Афганистане, Пакистане, большинство американцев, участников опросов общественного мнения, указывали, что эта стратегия потерпела фиаско [McFaul, 2009, p. 3]. Президентские выборы 2008 г. показали, что в стране наблюдалось нечто подобное новому “вьетнамскому синдрому”. Американцы не хотели приносить далее жертвы на алтарь “мировой демократии” и отдали победу Обаме, пообещавшему в минимально короткие сроки вернуть домой армейские части из Ирака и Афганистана.

Внешняя политика Буша-младшего нанесла серьезный удар по престижу США за рубежом. Наиболее чувствительными оказались потери в исламских странах. При этом в странах – союзницах США или дружески к ним настроенных отрицательное отношение к внешней политике Вашингтона оказалось даже выше, нежели в странах, относимых Соединенными Штатами к “изгоям”. Взрыв антиамериканских настроений произошел после интервенции США в Ирак. А в 2007 г., согласно опросам общественного мнения в Египте, Пакистане, Марокко и Индонезии, от 65 до 76% респондентов оправдывали цель “Аль-Каиды” по недопущению западных ценностей в исламские страны и считали, что американское “продвижение демократии” разрушает мусульманскую цивилизацию. 91% египтян и 68% марокканцев оправдывали вооруженные нападения иракцев на американские войска. Две трети пакистанцев и иорданцев высказали негативное отношение к США, а в Саудовской Аравии, главной союзнице Соединенных Штатов на Ближнем Востоке, этот процент достиг 79. Большинство опрошенных считали, что истинными целями американских “демократических” интервенций на Ближнем и Среднем Востоке являются раскол и ослабление ислама, насаждение западных ценностей, контроль над нефтью [Почему... 2007].

Резко снизилась поддержка США в странах Западной Европы. С 2002 по 2006 г. число европейцев, поддерживавших лидерство США в мировой политике, снизилось с 64 до 37%. Количество респондентов, выступавших против американского лидерства, возросло с 31 до 57%. В Великобритании рейтинг доверия Бушу-младшему снизился до 30, в Германии – до 25, во Франции – до 15%. Более высокий средний процент поддер-

жки Буша-младшего в Европейском союзе обеспечивали “новобранцы” из Центральной и Восточной Европы. Большинство опрошенных в “старых” европейских странах также полагают, что вследствие внешней политики Буша-младшего мир стал гораздо опаснее (в Великобритании, традиционной союзнице США, с этим согласились 60% опрошенных) [Антиамериканизм... 2007].

Формирующийся новый миропорядок нуждался в фундаментальных изменениях. И во время президентских выборов 2008 г. Обама, кандидат от демократов, предложил радикальное обновление внешнеполитической стратегии США, что поспособствовало его уверенной победе. Обама категорически отверг “однополярный миропорядок”, который упорно насаждали Буш-младший и “неоконы” (и который, по сути, пытался формировать в 1990-е гг. после окончания холодной войны президент-демократ У. Клинтон). При этом Обама отверг возможность возвращения к изоляционизму, подчеркивая приверженность вильсоновскому “либеральному” интернационализму (о внешнеполитической идеологии В. Вильсона см. [Согрин, 2003; 2013^a, 2013^b]), но соответствующему реалиям XXI в. Эти же реалии, согласно новому лидеру Демократической партии, свидетельствовали, что США не угрожает более ни одна великая или даже крупная держава, поэтому обладание оборонным потенциалом, рассчитанным на оказание отпора такой державе, излишне. Необходимо радикальное сокращение вооружений и вооруженных сил, как и изменение их структуры [Обама, 2008, с. 337–340].

Одностороннее использование Соединенными Штатами военной силы, указывал Обама, возможно и в дальнейшем, но более оно не будет носить глобального характера, а станет предприниматься исключительно в целях “ликвидации непосредственной угрозы нашей безопасности”. “Аль-Каида” такую опасность представляла и представляет, поэтому точечные удары по ней оправданы. Но Ирак и С. Хусейн такой опасности не представляли, поэтому вторжение Буша-младшего в Ирак было, заключал Обама, грубейшей ошибкой. Во всех случаях, когда непосредственной угрозы безопасности США не существует, они обязаны действовать “многосторонне”, то есть на основе мультипартнерства, через ООН и его Совет Безопасности [Обама, 2008, с. 344].

Обама категорически отверг бушевскую доктрину “смены режимов” (*regime change*) как способа “продвижения демократии” в мире. В любой стране мира демократия могла успешно произрасти только “изнутри”: “...в истории мало примеров того, чтобы желаемая людьми свобода была предоставлена при помощи вмешательства извне. Почти во всех имевших успех социальных движениях последнего столетия... демократия являлась результатом местного пробуждения”. Самим Соединенным Штатам в поддержании и укреплении своих международных позиций, как свидетельствовал опыт истории, следовало опираться на мирные достижения и ценности: “Соединенные Штаты победили в холодной войне не просто потому, что обогнали Советский Союз по вооружению, а потому, что американские ценности одержали верх в суде международного общественного мнения, включая и тех, кто жил при коммунистических режимах” [Обама, 2008, с. 353, 343].

В предвыборной риторике Обама был в высшей степени радикален и даже осудил мессианизм, этот “родовой” стержень американской внешнеполитической идеологии и ментальности. Однако отказаться от него в реальной политике было невозможно, и Обама должен был вернуть в президентскую риторику понятия “американская исключительность” и “мировое лидерство”. Но даже с учетом этого вполне объяснимого идеологического “отступления” (большинство американцев ни за что не согласились бы с тем, что их нация перестала быть “лучшей в мире” и “мировым лидером”) президентство Обамы принесло позитивные перемены в американскую внешнюю политику.

С самого начала президентства Обама подчеркивал особое место в его внешнеполитической деятельности отношений с мусульманским миром. Программой стала его речь в Каирском университете в июне 2009 г. Президент США решительно протянул мусульманским странам “оливковую ветвь” и объявил исламскую цивилизацию рав-

ноправной великим мировым цивилизациям, включая христианскую. Он выступал как сторонник цивилизационного плюрализма, предполагавшего сосуществование, взаимовлияние и взаимообогащение различных цивилизаций. Ни в одной из речей предшественников Обамы не звучало столько комплиментов и добрых слов в адрес ислама: “Я прибыл в Каир, чтобы положить новое начало отношениям между Соединенными Штатами и мусульманами всего мира. Отношениям, основывающимся на взаимном интересе и уважении, на той истине, что ни Америка, ни Ислам не претендуют на исключительность и не испытывают потребности в конкуренции. Напротив, они перекликаются и разделяют ряд общих принципов: принципы справедливости и прогресса, терпимости и достоинства людей... Изучая историю, я постиг цивилизационный вклад Ислама... это и алгебра, и магнитный компас, и средства навигации, и искусство письма, и книгопечатание, и диагностика заболеваний, как и способы их лечения... исламская культура создала непреходящую по значению поэзию и изящную музыку. Я знаю и о том, что Ислам всегда был частью американской истории. Первой страной, признавшей мою страну, была Марокко... в наши дни правительство США с помощью судебной власти защитило право женщин и девочек носить хиджаб и одобрило наказания для тех, кто препятствует этому. Одним словом, нет никаких сомнений в том, что Ислам – это часть Америки” [Remarks... 2009].

Далее Обама обещал поддерживать возвращение палестинскому народу всех земель, отнятых Израилем, подчеркивал важность щедрой экономической помощи Ираку и Афганистану в налаживании новой жизни без нужды и политических притеснений, сделал упор на дипломатические средства урегулирования разногласий с Ираном. Аудитория неоднократно прерывала президента США криками: “Барак Обама, мы любим тебя!”.

С начала президентства Обама настойчиво проводил ту мысль, что коллективные усилия по формированию нового справедливого миропорядка не предполагают главенствующей роли ни США, ни НАТО. В миротворческой деятельности на равных должны участвовать Китай, Россия, Бразилия, как и все иные страны, готовые к этому. Уже одна новая внешнеполитическая идеология и риторика Обамы вызвали широкую симпатию в мире к новому американскому президенту. Во Франции рейтинг благоприятного отношения к США вырос менее, чем за год, с 42 до 75%. В Германии к осени 2009 г. 93% опрошенных заявляли, что доверяют Обаме. В Европе, как и в ряде неевропейских стран, наблюдался феномен “обомомании” (Pew Research Center. December 13, 2012), что во многом объясняет, почему 9 октября 2009 г., когда Обама еще не мог похвалиться практическими результатами своей деятельности, ему была вручена Нобелевская премия мира с формулировкой “за огромные усилия по укреплению международной дипломатии и сотрудничества между народами”.

И в дальнейшем Обама развивал реформаторскую внешнеполитическую программу. Важной вехой стал подготовленный в его администрации 52-страничный документ “Стратегия национальной безопасности”. В центре его – формирование нового международного порядка исключительно на коллективной основе. В отличие от “неоконов”, Обама ни в этом, ни в других документах не злоупотреблял словом “демократия”, а похоже, избегал его, выдвигая в качестве четырех “постоянных национальных интересов” “безопасность”, “процветание”, “ценности”, “международный порядок” [National... 2010].

В других документах, в том числе в программе Демократической партии 2012 г., признавалось наличие в США “универсальных ценностей”, но вновь обнаруживалось принижение понятия “демократия” (возможно, во времена Буша-младшего США набрали им оскомину мировому сообществу). Первостепенными среди “универсальных ценностей” оказывались свобода слова, собраний, равенство религий, рас и этносов, как и “правление законов”. Нововведением в трактовку “универсальных ценностей” являлась особая забота о равноправии для женщин и геев. Американским дипломатам предписывалось уделять особое внимание продвижению прав “сексуальных меньшинств” и гендерного равноправия.

Важное место в новой стратегии национальной безопасности заняло “возвращение домой” американских войск из Ирака и Афганистана. Нововведением в национальную военную стратегию, обнародованную в начале 2012 г., стал отказ от возможности вести одновременно “две большие войны”. Вместо этого должна была обеспечиваться готовность к “полутора войнам”. В течение десяти лет армию США планировалось сократить в полтора раза – до полумиллиона человек. Военный бюджет в течение десятилетия предполагалось уменьшить на 450 млрд долл. Намечалось резкое сокращение военного присутствия США в Европе и его увеличение в Тихоокеанском регионе. В Европе же ставилась цель перекладывать бремя военных расходов на благополучных союзников по НАТО. В качестве стран, представлявших главную потенциальную угрозу для США, назывались Иран и Китай. Россия же в этом качестве вообще не упоминалась (в своем “оборонном докладе” в январе 2012 г. Обама упомянул ее один раз, причем в качестве “партнера”, а не военной угрозы) [Обама... 2012].

Внешнеполитическая программа Обамы включала и своего рода *idea fixe*, напоминавшую главную внешнеполитическую мечту советского лидера М. Горбачева второй половины 1980-х гг. Горбачев мечтал о безъядерном миропорядке, который предполагал утвердить к началу XXI в. Обама видел высшую цель в полной ликвидации ядерного оружия. Не обозначая конкретной даты утверждения “безъядерного мира”, он предлагал “дорожную карту” продвижения к нему: закрепить режим нераспространения ядерного оружия, а главные усилия сосредоточить на недопущении создания ядерного оружия Ираном и на разработке мер блокирования в отношении Северной Кореи, уже имевшей ядерные заряды. Далее он возобновил идею ратификации американским сенатом Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, подписанном еще президентом Клинтон, но “похороненном” законодателями-республиканцами. Он также вынашивал идеи о международной регламентации обращения ядерных материалов и продуктов, ликвидации химического и бактериологического оружия в тех странах, где оно еще сохранялось. Для реализации всех этих идей необходимы были усилия “мультипартнерства”, а особое значение Обама придавал договоренностям с Россией – второй, наряду с Соединенными Штатами, ядерной сверхдержавой. Серьезное и позитивное изменение отношений с ней получило выражение в звучном лозунге и политике “перезагрузки”.

Уже в течение 2009 г. произошли изменения в содержании и характере российско-американских отношений. А в последний год первого президентского срока Обамы глава российского государства дал им высочайшую оценку: “Это были лучшие три года в истории отношений России и США за последние десятилетия” (Российская газета. 26 марта 2012). Среди политиков и аналитиков высказывались разные, зачастую взаимоисключающие оценки значения российско-американских отношений. Многие, особенно американские консерваторы, принижали их роль, требуя от Обамы отказаться от предложенной его администрацией “перезагрузки” российско-американских отношений, признать Россию главным геополитическим противником и жестко диктовать ей свою волю, поскольку ее вес в мире стал ничтожным. Но в Америке звучали и иные голоса, доказывавшие, что в рамках провозглашенного Обамой “мультипартнерства” Россия – один из основных “игроков”.

Убедительным обоснованием такого мнения было суждение Г. Эллисона, бывшего посла США в Индии, помощника министра обороны в администрации Клинтона. Он реалистично и лаконично назвал 10 причин, по которым Россия должна рассматриваться Вашингтоном в качестве важнейшего мирового “игрока”:

- 1) Россия остается единственной страной, которая может стереть США с лица Земли за 30 минут;
- 2) Россия – самый важный партнер США в предотвращении ядерного терроризма;
- 3) Россия играет важную роль в предотвращении распространения ядерного оружия и систем доставки реактивных снарядов;

4) разведданные России и ее помощь имеют решающее значение в войне против “Аль-Каиды” и других организаций межнационального терроризма;

5) Россия обеспечивает жизненно необходимый путь снабжения сотысячной американской армии, сражающейся в Афганистане;

6) Россия является крупнейшим в мире добытчиком нефти и вторым крупнейшим добытчиком природного газа;

7) если политика Москвы будет в большей степени согласована с целями США, это будет иметь решающее значение в установлении политического равновесия... в условиях, когда Китай превратится в мировую державу;

8) Россия – территориально самая большая страна на Земле... По ее территории проходят транзитные коридоры поставок на мировые рынки, стабильность которых жизненно важна для американской экономики;

9) российская интеллектуальная элита и наука, в том числе космическая, сохраняют одну из ведущих позиций в мире;

10) способность России нарушать планы США трудно переоценить. Поэтому не нужно на это ее провоцировать (Politico. October 31, 2011).

Администрация Обамы, расширяя сферы сотрудничества с Россией, пошла на ряд уступок, означавших отход от стратегии “неоконов”. Администрация, как выразилась вице-президент США Дж. Байден, отказалась от “большой игры” [Перезагрузка... 2011] за влияние на постсоветском пространстве, поступилась стратегией “продвижения” на нем демократии и сделала упор на обеспечение стабильности региона. Конфликт России и Грузии, имевший важнейшее значение для “неоконов”, был отодвинут на второстепенную позицию. Возможность вступления Грузии и Украины в НАТО была снята с повестки практической политики США. Москва оценила это и пошла навстречу Вашингтону в важнейших для него вопросах.

Постоянно углублялось сотрудничество по Афганистану. В 2009 г. было заключено беспрецедентное соглашение об открытии воздушного транзитного коридора в Афганистан для стран НАТО над территорией России и о наземной перевозке по ней несмертоносных грузов натовской коалиции. За один год через Россию было перебросено 6 тыс. грузовых контейнеров и 23 тыс. военнослужащих. Эти договоры, действовавшие с 2009 г., были одобрены Государственной думой России в феврале 2011 г. 347 голосами против 95. К этому времени над Россией уже было совершено 780 полетов американских воздушных перевозчиков, переправлено 115 тыс. солдат и более 19 тыс. т грузов. Воздушный путь над Россией покрыл 16% всех американских пересылок в Афганистан и обратно. Российское правительство также предоставило возможность использовать аэропорт “Восточный” близ Ульяновска для транзита транспортных самолетов НАТО (до 30 в сутки) в Афганистан (Российская газета. 26 февраля 2011). Это вызвало в России протест со стороны левой оппозиции и ее сторонников, но министр иностранных дел С. Лавров на слушаниях в Думе убедил депутатов, что партнерские отношения с НАТО и США по Афганистану соответствуют интересам Москвы, поскольку исламистский терроризм в этой стране представляет непосредственную угрозу национальной безопасности России.

Между США и Россией были достигнуты важные договоры по Ирану. Москва приостановила продажу Ирану ракетных комплексов С-300, что стало уступкой США и послужило основанием углубления сотрудничества по контролю над иранской ядерной программой. Вместе с другими постоянными членами Совета Безопасности ООН Россия составила группу продвижения предложений Международного агентства по атомной энергии о контроле над поставкой топлива для тегеранского исследовательского реактора. Москва, ранее негативно относившаяся к политике санкций в отношении Ирана в случае нарушения им решений Международного Агентства и ООН, теперь их поддерживала. В 2010 г. она вместе с другими постоянными членами Совета Безопасности ООН (включая Китай) проголосовала за санкции, хотя ряд членов (непостоянных) Совбеза, среди них Турция, партнер США по НАТО, были решительно против (Washington Post. June 29, 2010). Со схожих позиций США и Россия сотрудни-

чали в вопросе о ядерной программе Северной Кореи, в частности совместно разработали резолюцию 1874 Совета Безопасности ООН, жестко регламентировавшую эту программу.

Администрация Обамы приложила реальные усилия для улучшения экономических отношений с Россией. В 2009 г. было подписано соглашение о закупке Россией у США 50 “Боингов-737” на сумму 2 млрд долл., что повлекло создание тысяч рабочих мест в обеих странах. Было подписано “соглашение 1-2-3” о сотрудничестве в области мирного атома, позволившее американским корпорациям делиться ядерной технологией и материалами с российскими партнерами [Перезагрузка... 2011]. Для улучшения экономических отношений с Москвой администрации Обамы пришлось преодолевать мощное сопротивление конгрессменов от Республиканской партии, занявших в двух важных вопросах позицию, препятствовавшую экономическому партнерству России и США. Это вступление России в ВТО и отмена дискриминационной в отношении России поправки Джексона–Вэника, принятой еще в 1970-х гг. Переговоры о вступлении России в ВТО велись с 1993 г., но только 22 августа 2012 г., в значительной мере благодаря усилиям администрации Обамы, процесс успешно завершился. В ВТО к тому времени состояли уже 153 государства, среди них все бывшие партнеры СССР по соцлагерю, как и большинство бывших советских союзных республик. Поправка Джексона–Вэника была отменена Палатой представителей Конгресса США 365 голосами против 43 в ноябре 2012 г. В начале декабря за отмену поправки проголосовал сенат США¹.

Центральным в российско-американских отношениях стал вопрос о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) и статусе договора о противоракетной обороне (ПРО). В 2002 г. президентами России и США был подписан договор о сокращении наступательных потенциалов (СНП), но тогда же Конгресс США принял одностороннее решение о выходе из договора по ПРО 1972 г. В ответ Россия освободила себя от обязательств по СНП и отказалась соблюдать даже договор СНВ-2 от 1993 г. Процесс сокращения наступательных стратегических вооружений в связи с тем, что в декабре 2009 г. истекал и срок действия договора СНВ-1, оказался под угрозой полного срыва. Этот кризис в отношениях был преодолен в значительной мере благодаря усилиям Обамы, который уже в апреле 2009 г. заявил российскому президенту, что США готовы возобновить процесс на взаимоприемлемой основе. В течение года было проведено около десяти раундов переговоров, и 8 апреля 2010 г. в Праге президенты России и США подписали договор СНВ-3, уменьшавший ядерные запасы каждой стороны почти на треть. Российская сторона увязывала успешное выполнение договора с соблюдением США режима *status quo* по ПРО, что нашло лаконичное отражение в преамбуле.

Теперь предстояла ратификация договора, которая осложнялась с американской стороны изменением соотношения сил в конгрессе в пользу Республиканской партии в результате “промежуточных” выборов ноября 2010 г., а с российской стороны – решением парламентариев приступить к ратификации только после того, как договор будет одобрен законодателями США. В США по проблеме ратификации развернулась острая борьба между демократами и республиканцами. Соотношение сил в пользу ратификации менялось по мере того, как часть влиятельных республиканцев стали выступать в пользу договора. Администрация Обамы стремилась, чтобы договор был ратифицирован до начала 2011 г., когда, в соответствии с конституцией, к работе приступал новый состав конгресса. Сенат США одобрил договор в конце декабря 2010 г. Российскими парламентариями Договор СНВ-3 был ратифицирован 26 января 2011 г. При этом российским руководством было подчеркнуто, что конкретное развитие процесса разоружения будет зависеть от хода переговоров России и США по проблеме ПРО.

¹ Но сенат дополнил свое решение антироссийским “актом Магнитского”, о чем будет подробнее сказано ниже.

Дальнейшее развитие событий показало, что судьба исторического договора не будет легкой. Главным препятствием для его успешной реализации стала все та же проблема ПРО. Правительство Обамы, придя к власти, объявило об отказе США от развертывания ПРО в Польше и Чехии. Но затем план евроПРО был реанимирован. На первом этапе намечалось ввести в Средиземное море корабли с противоракетами и размещение радаров ПРО в Турции. К 2015 г. планировалось развернуть в Румынии наземную базу ПРО. К 2018 г. предполагалось создать наземную базу ПРО в Польше. Также в ближайшие планы входило размещение радаров ПРО в Японии [США... 2012; Каширина, 2014].

Россия настойчиво предлагала США и НАТО разнообразные компромиссы, но они неизменно отклонялись. В ноябре 2011 г. президент России выступил с заявлением о создании новой программы Воздушно-космической обороны России, в рамках которой стратегические баллистические ракеты, поступающие на вооружение Ракетных войск стратегического назначения и Военно-морского флота, “будут оснащаться перспективными комплексами преодоления ПРО вблизи территории РФ и в примыкающих к России акваториях”. Также было объявлено, что в случае неприемлемых шагов по созданию ПРО со стороны США Россия может выйти из договора СНВ-3. Министерство обороны получило задание в ответ на отказ США от замораживания евроПРО ввести в Калининградской области в строй радиолокационную станцию раннего предупреждения о ракетном нападении и начать размещение там ракет “Искандер” (Российская газета. 23 ноября 2011). Позиция и аргументация российской стороны были поддержаны многими аналитиками, в том числе западными. Ими признавалась связь между “оборонительными” и “наступательными” ракетами и неизбежное нарушение ракетного баланса между Россией и США в случае реализации Вашингтоном программы евроПРО. Указывалось на несостоятельность аргумента об “антииранской” направленности евроПРО, поскольку реальная опасность ядерной атаки со стороны Ирана если и не отсутствовала вообще, то была близка к нулю (Global Research. December 3, 2012).

Удача Обамы на президентских выборах 2012 г. и избрание его на высшую должность в стране на второй срок определенным образом восстановили надежды на смягчение разногласий между США и Россией по ПРО. Весной 2013 г. новый министр обороны США заявил об отмене планов по размещению системы ПРО в Европе. Вместо этого США склонились к размещению 14 ракет-перехватчиков на Аляске, поскольку в качестве главной ядерной угрозы стали рассматривать Северную Корею (Christian Science Monitor. March 3, 2013). Но у российской стороны это не вызвало одобрения, поскольку новая американская программа все равно нарушала ракетный баланс между США и Россией и не снимала повышенной ракетной угрозы России со стороны Соединенных Штатов². Дипломатические усилия по разрешению проблемы ПРО в российско-американских отношениях были продолжены.

Несмотря на серьезные разногласия между Москвой и Вашингтоном по ПРО, российско-американские отношения после прихода к власти Обамы имели позитивную тенденцию, развивались на основе прагматичного партнерства по ряду важнейших вопросов мировой политики. Но плодотворный прагматизм не исключал идеологической составляющей в отношениях двух держав, более того, психологическая война между ними достигала порой такой остроты, которая отсутствовала даже в период пребывания у власти “неоконов”. В случае как США, так и России данный парадокс может быть объяснен главным образом особенностями внутривнутриполитического разви-

² В. Путин в послании Федеральному собранию в конце 2013 г. заявил: “...иранская ядерная программа в свое время служила, пожалуй, главным аргументом развертывания систем противоракетной обороны (это так, между прочим, скажу). Теперь что получается? Иранская ядерная проблема уходит, а система ПРО остается. И не просто остается, а получает свое дальнейшее развитие... Ни у кого не должно быть иллюзий относительно возможности добиться военного превосходства над Россией. Мы этого никогда не допустим. Россия ответит на все эти вызовы: и политические, и технологические. Весь необходимый потенциал у нас для этого есть” [Послание... 2013].

тия каждой страны. Антироссийский дискурс в США создавался главным образом республиканцами, использовавшими его усиление для политических атак на Обаму, проявлявшему-де мягкотелость и “слепоту” в отношении “главного геополитического врага США” (именно так определил Россию в 2012 г. М. Ромни, кандидат в президенты Соединенных Штатов от Республиканской партии). В России антиамериканский дискурс, пестовавшийся кремлевскими политехнологами и пропагандистами, также имел внутривнутриполитическое предназначение. Социологические замеры показывали, что большинство населения восприимчиво к антиамериканской пропаганде, из чего политехнологами власти извлекался логичный вывод: пестование антиамериканского дискурса и насаждение его в СМИ будет реально спланировать население вокруг Кремля [Согрин, 2013³].

Острые идейно-политические схватки происходили между законодателями двух стран. В конце 2012 г. Сенат США, одобрив отмену поправки Джексона–Вэника, вместе с тем дополнил свое решение так называемым “актом Магнитского”, накладывавшим запрет на въездные визы в США для весьма широкого круга российских официальных лиц. Все они при отсутствии соответствующих решений судебной власти объявлялись виновными или причастными к смерти в 2009 г. в российской тюрьме аудитора частной юридической фирмы С. Магнитского. Российские законодатели ответили американским так называемым “законом Димы Яковлева”³, налагавшим запрет на усыновление гражданами США российских детей-сирот. Обмен “законодательными ударами” России и США был использован для нагнетания в каждой из стран, соответственно, антиамериканских и антироссийских настроений, что повлияло на обострение отношений между двумя государствами.

В дальнейшем прагматические начала в дипломатических отношениях России и США реанимировались. Осенью 2013 г. после острой дискуссии между странами в связи с разногласиями в отношении гражданской войны в Сирии стороны сумели найти общий язык и заключили соглашение как между собой, так и с правительством Сирии о неиспользовании в дальнейшем на ее территории химического оружия и о полном уничтожении его запасов. Но идеологическая составляющая во взаимоотношениях двух стран и народов не исчезла и не пошла на убыль.

Военно-политические отношения с Россией, как и с многими другими странами, Соединенные Штаты выстраивали в тесном взаимодействии с европейскими участниками НАТО. Европейцы, в первую очередь новые члены НАТО, как и прежде, выступали по отношению к Соединенным Штатам в качестве “клиентов”, надеявшихся на военную защиту со стороны Вашингтона, финансирование им львиной доли коллективных военных расходов. “Молодые” члены НАТО, в отличие от “старых”, добровольно предлагали свои услуги и даже настойчиво просили США размещать системы евроПРО на своих территориях. В то же время европейцы стремились сократить свое участие в непосредственных боевых действиях стран НАТО, в первую очередь в Афганистане, проявляли односторонние инициативы по скорейшему выводу своих воинских контингентов из этой страны.

США при Обаме, напротив, выражали все большую настойчивость в перекладывании бремени военных расходов на европейцев и стремились, как это было во время военной операции в Ливии весной 2011 г., передоверить ведущим западноевропейским государствам, в первую очередь Франции и Великобритании, непосредственное участие в боевых действиях, сопровождавшихся людскими потерями. Р. Гейтс, министр обороны США в период первого президентского срока Обамы, неоднократно заявлял, что США исчерпали свою оборонительную функцию в Европе, должны выво-

³ Официально закон назывался “О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации”. Член фракции “Единая Россия”, представлявший закон в Государственной думе, предложил назвать его “Законом Димы Яковлева” в память об умершем 8 июля 2008 г. в США из-за халатности приемных родителей российского ребенка. Это название стало широко использоваться в СМИ. В связи с тем, что закон появился как ответ на закон Магнитского, он стал называться и “Антимагнитским законом”.

дить оттуда военные базы и войска, что военные расходы между США и европейскими членами НАТО должны быть радикально перераспределены (Chicago Tribune. June 20, 2011).

В то время как военные расходы США постоянно возрастали, достигнув 5% ВВП, военные расходы европейских союзников уменьшались, опустившись ниже 2% ВВП. В 2000-е гг. военный бюджет США вырос более чем на 75%, а небольшие европейские страны в годы мирового финансового кризиса 2008–2010 гг. уменьшили оборонные расходы более чем на 30%. Общая доля расходов европейцев в военном бюджете НАТО за 20 лет с 1991 г. снизилась с 34 до 21%. Администрация Обамы стремилась изменить негативную для США тенденцию и сократить американские людские потери в военных операциях НАТО. Первым ярким проявлением этого стала позиция Вашингтона в период военных действий против ливийского режима М. Каддафи весной 2011 г. Основную часть рисков и финансовых расходов США переложили на европейских союзников. Подавляющее большинство авиаударов по целям в Ливии нанесли ВВС европейских стран. Это радикально отличается от того, что было в конце 1990-х гг., когда на долю ВВС США приходилось свыше 90% бомб, сброшенных на Югославию. В ливийской кампании две трети ударной авиации составили боевые самолеты Франции, Великобритании, Дании, Норвегии и других европейских стран НАТО [Внешняя... 2012, с. 127, 133–135].

Союзники по НАТО проявляли открытое нежелание продолжать участвовать в двух главных войнах, начатых Бушем-младшим, – афганской и иракской. Обама, постоянно убеждая их сохранять взятые обязательства, вместе с тем неизменно объявлял прекращение этих войн главным приоритетом своей администрации. К 30 июня 2009 г. американские войска были выведены из иракских городов. Численность американских войск в Ираке в результате сократилась с 200 до 100 тыс. человек. 15 декабря 2011 г. было официально заявлено о завершении военной операции США в Ираке. С военной точки зрения завершение операции напоминало вынужденный уход из страны. Американские войска показали полную неспособность остановить развязанную их вторжением кровавую гражданскую войну между шиитами и суннитами. Террористические ячейки, не обнаруженные в начале вторжения, теперь пустили прочные корни. Из Ирака бежали 1 млн жителей, 3 млн остались без крова. США сочли за благо передоверить прекращение кровавой трагедии правительству Ирака, оставив для обучения верных ему воинских соединений несколько тысяч американских инструкторов.

Не менее драматично развивалась война в Афганистане, ставшая для США самой долгой в их истории. К моменту вступления Обамы в президентскую должность союзники Вашингтона, в первую очередь Голландия и Канада, уже одобрили планы досрочного ухода из Афганистана. Обама, трезво оценивший ситуацию, пришел к выводу, что завершить войну собственными военными усилиями Соединенные Штаты не в состоянии, и нужно, так же как и в Ираке, передоверить ее ведение афганскому “демократическому” правительству. Но в начале президентства Обама решил в качестве подготовительного стратегического приема резко нарастить (с 30 до более 60 тыс. человек) американский контингент в стране, который должен был “зачистить” основные силы талибов. Соединенным Штатам сопутствовал определенный успех, отряды “Аль-Каиды” были вытеснены в другие страны. К тому же 2 мая 2011 г. в результате тайной операции американскому спецотряду “морских котиков” удалось уничтожить У. бен Ладена, нашедшего убежище в Пакистане. Но афганских талибов, хорошо освоивших методы партизанской войны и продолжавших пользоваться поддержкой населения, усмирить, а тем более победить не удалось.

К тому же афганские талибы смогли укрепить свое влияние в Пакистане, так что американские аналитики заговорили о возникновении проблемы “АфПака”, то есть срастании афганского и пакистанского исламского терроризма (The National Interest. July 17, 2011). После победы на президентских выборах 2012 г. Обама уже твердо планировал скорейший вывод американских войск из Афганистана. К концу 2012 г. был завершён вывод военного контингента, посланного в Афганистан дополнитель-

но в 2009 г. К концу 2014 г. Афганистан должны будут покинуть все американские солдаты за исключением инструкторов, оставшихся для обучения афганской правительственной армии, которую предстоит увеличить до 350 тыс. человек. Планируется ликвидировать американские военные базы в Афганистане. Вместе с тем Афганистан должен был оставаться “партнером Соединенных Штатов”, поддерживаемым, согласно соглашению Обамы–Карзая, ежегодными финансовыми программами вплоть до 2024 г. (The Washington Post. May 2, 2012).

Стремление администрации Обамы минимизировать военное присутствие на Ближнем и Среднем Востоке натолкнулось на непредвиденное осложнение, так называемую “*арабскую весну*”, – серию массовых народных выступлений во многих странах региона, переросших в бунты и революции. Они начались в конце 2010 г. в Тунисе и стремительно распространились в мусульманские государства Африки и Аравийского полуострова. Наиболее серьезные конфликты, переросшие в гражданские войны, вспыхнули в Египте, Ливии, Сирии, но “арабская весна” в той или иной степени затронула также Йемен, Алжир, Бахрейн, Оман, Ливан, Судан, Марокко и даже Кувейт и Саудовскую Аравию. Общими причинами, вызвавшими к жизни массовые бунты, стали гнет авторитарных режимов, бедность и несправедливость. В нескольких странах правящие режимы были свергнуты, в других правители пошли на серьезные или частичные реформы и уступки. Подчас авторитарные режимы вступали в кровавые столкновения с протестными движениями, что порождало гражданские войны. Последствия “арабской весны” в разных странах были неоднозначны, но в целом они привели к глубоким политическим сдвигам в регионе, серьезно затронувшим Соединенные Штаты.

Массовым выступлениям на Ближнем и Среднем Востоке был присущ очевидный демократический заряд. И администрация Обамы, который неизменно подчеркивал заинтересованность Соединенных Штатов в демократизации этого региона (как и любой другой части мира), если она опирается на внутренние запросы, тем более на народное волеизъявление, казалось бы, должна с энтузиазмом поддержать их. Но в действительности реакция Вашингтона оказалась противоречивой, осторожной, часто выжидательной. Это объяснялось тем, что бурная и непредвиденная “арабская весна” сопровождалась следствиями, подчас вступавшими в противоречие с интересами США. Среди экономических факторов были повышение мировых цен на нефть и экономический регресс в ряде стран, вступивших на путь демократизации. Это создавало серьезные проблемы для Соединенных Штатов и всего западного сообщества, вступивших в 2008 г. в борьбу с глобальным финансово-экономическим кризисом. “Арабская весна” этот кризис только усугубляла. Противоречивость политических следствий “арабской весны” впервые в полной мере проявилась в тенденциях революции в Египте.

В результате длительной и драматической схватки в 2011 г. с режимом Х. Мубарака, египетский народ добился отстранения от власти авторитарного правителя. Соединенные Штаты, на протяжении 30 лет поддерживавшие с ним тесные партнерские отношения, оказывавшие ощутимую экономическую помощь режиму, который, со своей стороны выступал как партнер Вашингтона в урегулировании палестинско-израильского конфликта, поддержали демократическое волеизъявление египетского народа. Но дальнейшее развитие демократического процесса в Египте привело к власти в стране исламистских фундаменталистов – “Братьев-мусульман”, лидер которых М. Мурси в июне 2012 г. победил на свободных президентских выборах. Оказавшись у власти, “народное правительство” при финансовой поддержке консервативных арабских режимов начало насаждать фундаменталистские исламские порядки. Теперь уже массовое протестное движение возникло против авторитарных и противозаконных действий лидера “Братьев-мусульман”. В июле 2013 г. он был свергнут в результате массовых выступлений, поддержанных армией. Свержение Мурси формально носило антидемократический характер, но США закрыли на это глаза. Их позиция теперь заключалась в поддержке

мирного возвращения Египта к светскому образу правления, восстановления конституционализма, поверженного Мурси.

Меньшими зигзагами отмечено отношение США к “арабской весне” в Ливии. Острый конфликт между диктатором М. Каддафи и многочисленными повстанцами возник в начале 2011 г. сразу после устранения авторитарных режимов в Тунисе и Египте. Причины его были теми же – неограниченный произвол власти, бедность, бесправие народа. Но в Ливии режим решился на массовые кровавые расправы с бунтовщиками. Жертв было так много, что в международном сообществе, не только западном, но и арабо-мусульманском, заговорили о геноциде Каддафи собственного народа. Европейский союз и Лига арабских государств признали необходимым вмешаться в ливийский конфликт на стороне повстанцев, создавших свое правительство – Переходный национальный совет Ливии. В конце февраля 2011 г. Совет Безопасности ООН одобрил резолюции 1970 и 1973 гг., вводившие санкции против режима Каддафи, устанавливавшие над Ливией бесполетную зону, разрешавшую применять разнообразные средства защиты мирного населения за исключением ввода на территорию иностранных войск. Россия и Китай при голосовании воздержались, отказавшись использовать право вето и обеспечив тем самым поддержку резолюций силам НАТО, которые и взяли на себя функцию защиты гражданского населения.

События в Ливии, оказавшиеся для администрации Обамы неожиданностью, поставили ее перед сложным выбором. Обама не хотел вступать уже в третью для США войну, но не мог занять и позицию невмешательства. Тем более что во вспыхнувшей в Соединенных Штатах дискуссии большинство, при этом как “неоконы”, так и либеральные интернационалисты из его собственной партии, выступили за решительное участие в конфликте на стороне повстанцев. Обама прибег к гибкой позиции: с одной стороны, заявил, что руководство миссией защиты мирного населения Ливии должно быть возложено исключительно на руководство НАТО, а основное бремя военных операций – на Францию, Великобританию и Италию, то есть европейцев, а с другой – в пропагандистской риторике все время расширял мессианский диапазон американского участия. Из его уст прозвучали фразы, что от “мирового лидерства” Америку освободить никто не может и что “Каддафи должен уйти”. Последнее требование означало, по сути, принятие формулы “смены режимов”, на что не преминули обратить внимание “неоконы”. Кроме того, это требование противоречило резолюциям ООН, которые не предусматривали отстранения Каддафи от власти, а ограничивали вмешательство в ливийский конфликт исключительно гуманитарной задачей защиты гражданского населения. Поскольку формулу “Каддафи должен уйти” твердо поддержали и европейские члены НАТО, их военное вмешательство в ливийскую гражданскую войну стало приобретать характер военной интервенции на стороне повстанцев. А это уже откровенно превышало полномочия, предоставленные им резолюциями ООН, на что негодующе обратили внимание Россия и Китай.

По заключению большинства аналитиков, именно прямая военная помощь стран НАТО повстанцам, в первую очередь сокрушительные атаки авиации на военную технику Каддафи и снабжение повстанцев вооружением, сыграли решающую роль в изменении соотношения сил в ливийской гражданской войне. Осенью 2011 г. режим Каддафи был повержен. Как уже было отмечено, по сравнению с войной НАТО в Югославии в 1990-е гг., более весомую лепту в решение поставленной альянсом задачи внесли европейские члены НАТО, но это не отрицает того факта, что Вашингтон сделал все от него зависящее, чтобы цель “смены режима” в Ливии была достигнута. В ходе гражданской войны в Ливии, продолжавшейся менее года, погибло около 50 тыс. человек. По заключению международных правозащитных организаций, преступные методы ведения войны использовались как режимом Каддафи, так и его противниками. Их апофеозом стала преднамеренно жестокая расправа повстанцев над Каддафи и его сторонниками 20 октября 2011 г., приравненная Международным уголовным судом к военному преступлению. Пришедшее к власти правительство обнаружило неспособность утвердить в стране правопорядок. Беззаконие и нарушения прав

человека, возможно, и не в таких масштабах, как при Каддафи, продолжали оставаться нормой ливийской жизни.

В Сирии социальный конфликт обострился в начале 2011 г., но гражданская война началась лишь осенью, то есть тогда, когда в Ливии уже был свергнут режим Каддафи. Позиция сирийского руководителя Б. Асада выглядела более прочной, а оппозиционные силы были менее сплочены, нежели в Ливии. Если в Ливии гражданская война в значительной мере стимулировалась этническими разногласиями, то в Сирии ее “разогревали” религиозные распри. Правительство Асада опиралось на алавитов, составлявших меньшинство населения и близких к шиитам. Оппозиция черпала поддержку среди суннитов, при этом с самого начала весомую роль играли исламистские радикалы, в том числе “Аль-Каида”. Гражданская война в Сирии вызвала противоречивую реакцию в исламском мире. Страны и организации, поддерживавшие шиитов, в первую очередь Иран, Ирак, радикальная ливанская “Хезболла”, оказали военную помощь правительству Асада. Суннитские страны, особенно Турция, Саудовская Аравия и Катар, спонсировали оппозицию. В Катаре была создана “Национальная коалиция сирийских революционных и оппозиционных сил”, призванная объединить противников Асада. Но ряд влиятельных оппозиционеров не признали верховенства коалиции и претендовали на собственное место в войне.

США и НАТО с самого начала выступили на стороне оппозиции. Позиция Соединенных Штатов в значительной мере определялась тем, что Израиль, их главный союзник на Ближнем Востоке, находился в состоянии перманентного жесткого противостояния с правительством Сирии, а после начала в ней гражданской войны время от времени обменивался с Дамаском ракетными ударами. Вашингтон и европейские страны НАТО предпринимали попытки провести через Совет Безопасности ООН резолюции, схожие с теми, что принимались ранее против Ливии. Но Россия и Китай, извлекая уроки из ливийского опыта (США и страны НАТО превысили полномочия, предоставленные резолюциями Совбеза), их блокировали. Тогда США решили прибегнуть к односторонним действиям против режима Асада.

Президент Обама, лично не склонный инициировать военное вмешательство в сирийский конфликт, не мог выдержать натиска американского политического класса, проявлявшего нарастающую воинственность. В августе 2013 г., после того как ему были предоставлены данные (по мнению многих наблюдателей, в том числе российских, не имевшие убедительных обоснований) об использовании правительством Асада химического оружия, президент США выступил с инициативой ограниченных ударов по военным объектам сирийского правительства. Но Обама не пошел на издание соответствующего прямого президентского указа, а передал вопрос на рассмотрение Конгресса США. Там же слушания стали затягиваться по мере того, как опросы общественного мнения стали показывать, что большинство избирателей выступают против военного вмешательства США в сирийский конфликт.

10 сентября 2013 г. конгресс прекратил дискуссию в связи с тем, что правительство Асада и руководство ООН восприняли инициативу России о ликвидации химического оружия в Сирии. Одобрил ее и Обама, после чего между Россией и США произошли энергичные плодотворные переговоры о путях ликвидации сирийского химического оружия. В конце сентября Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию по уничтожению в Сирии химического оружия. Угроза военных действий США против Багдада была отведена.

В отношениях с Ираном администрация Обамы сочетала силовые методы с дипломатическими, стремясь усилить роль последних. Возможности военных действий США против Ирана при наличии доказательств обладания им ядерным оружием правительство Обамы не отрицало, тем более что опросы общественного мнения свидетельствовали о поддержке такой возможности большинством американского общества. США и НАТО угрожали Ирану силовыми санкциями на его попытки проигнорировать решимость Запада жестко контролировать его внешнюю, в том числе и экономическую, политику. И все же Обама, преодолевая сопротивление консерваторов от Рес-

публиканской партии и произраильского лобби, отстаивал дипломатическую альтернативу во взаимоотношениях с Ираном. Она весомо обозначилась после избрания в 2013 г. новым президентом Ирана умеренного политического деятеля Х. Роухани. В телефонном разговоре с ним Обама незамедлительно обсудил ядерную проблему, заключив: “Путь к значимому соглашению будет сложным... но мы обязаны следовать дипломатическим путем” (Российская газета. 28 сентября 2013).

Решая в дальнейшем иранскую проблему, Обама опирался на механизм международного мультипартнерства. Весомая роль принадлежит в нем России и Китаю. В конце 2013 г. в Женеве Иран и “шестерка” международных посредников (Великобритания, Германия, Китай, Россия, США, Франция) подписали соглашение, по которому Тегеран на полгода заморозил свою ядерную программу, а международное сообщество ослабило в отношении него режим ограничительных экономических и политических санкций. При этом прописывалось право Ирана на мирную ядерную программу при расширении инспекций со стороны МАГАТЭ.

Администрации Обамы не удалось перевести в русло дипломатических договоренностей отношения с другим ядерным “изгоем” – Северной Кореей, хотя президент США обещал после вступления в должность “выпить чашку чая” с северокорейским лидером. Намерения Обамы натолкнулись на серьезные препятствия со стороны как Северной, так и Южной Кореи. В Северной Корее после скоростной смерти Ким Чен Ира к власти пришел его сын, с самого начала опиравшийся на жесткие авторитарные методы внутри страны и на силовые методы во внешней политике. Северная Корея продолжала испытания ядерного оружия и прибегала к жестким силовым провокациям против Южной Кореи. Южная Корея, со своей стороны, категорически отказывалась сесть за стол переговоров с “государством-террористом” и организовала кампанию “отлова” на своей территории северокорейских “шпионов”. В первый срок президентства Обамы никаких позитивных подвижек в отношениях США и Северной Кореи не произошло.

Серьезное внимание администрация Обамы уделяла отношениям с двумя азиатскими гигантами – Китаем и Индией. В Китае Вашингтон все более определенно усматривает своего главного соперника как в глобальной экономике, так и на мировой политической арене. Вашингтон в высшей степени осторожен в своих оценках внутривнутриполитического положения в Китае, в частности проблемы с правами человека, не оспаривает культурной самобытности Поднебесной. Вместе с тем в практической политике администрация Обамы демонстрирует озабоченность нарастающим наступлением китайских товаров на американский потребительский рынок, постоянно углублявшимся дефицитом в торговых отношениях с Пекином.

Перевод американскими транснациональными корпорациями своих капиталов и производств в Китай был, по сути, признан главной причиной “деиндустриализации” Соединенных Штатов, драматического сокращения рабочих мест в национальной промышленности. Обама регулярно выступал с призывами к транснациональным корпорациям “вернуться домой” (обещал им налоговые и иные поблажки), требовал прекратить импорт в США продукции тех китайских предприятий (а таковых было большинство), которые не соблюдали международных, то есть американских, стандартов эксплуатации рабочей силы. Реального эффекта патриотические призывы и некоторые практические меры администрации Обамы не имели. Экономические отношения США с Китаем обнаружили, что глобализация мировой экономики – в первую очередь, детище Соединенных Штатов Америки – обернулась для них болезненным бумерангом. Американские транснациональные корпорации ставили максимизацию собственной прибыли выше интересов сохранения и дальнейшего развития рынка труда в самих Соединенных Штатах, поддержки национального бюджета и сокращения достигшего запредельных размеров государственного долга страны.

В отношениях с Индией Обама продолжил линию на превращение ее (с учетом утраты прежнего влияния США в Пакистане) в военно-политического партнера Вашингтона и азиатской демократической альтернативы Китаю. Как и Буш-младший,

Обама признал право Индии на обладание ядерным оружием. Он поддержал и развил американско-индийскую “ядерную сделку” 2005 г., согласно которой ядерные программы Индии получали одобрение, но в дальнейшем должны были осуществляться при сотрудничестве с США и под определенным контролем МАГАТЭ.

Обаме удалось воплотить в жизнь часть своих внешнеполитических инициатив. Они включали прекращение войны в Ираке и Афганистане, радикальное сокращение расходов на оборону, создание мультипартнерства как главного механизма урегулирования международных конфликтов, утверждение верховенства дипломатических способов ограничения ядерных амбиций Ирана и Северной Кореи, возвращение палестинцам территорий, оккупированных Израилем, “продвижение демократии” на основе собственных ресурсов, потребностей и желаний той или иной страны. Непоследовательность внешнеполитической деятельности Обамы в значительной мере объяснялась жестким сопротивлением его курсу со стороны Республиканской партии и иных политических структур из консервативного лагеря.

Главными обвинениями были следующие. Обаму неизменно критиковали за то, что он “предал” Израиль (“толкнул Израиль под автобус”, как заявил М. Ромни) – главного союзника США на Ближнем Востоке, потребовав от него полностью заморозить строительство израильских поселений на оккупированных территориях, а сами эти территории отдать палестинскому государству. При этом утверждалось, что миролюбие Обамы не только не охладило палестинских радикалов, но напротив, стимулировало их к усилению террористического натиска на Израиль. Жестко осуждались концепция мультипартнерства, теснейшее сотрудничество с ООН и нежелание Обамы опираться на “однополярный” мировой порядок. Подвергнут категорической критике “преждевременный” вывод войск из Ирака и желание в кратчайший срок уйти из Афганистана. Неизменно осуждались “перезагрузка” в отношениях с Россией, отказ “педализировать” российско-грузинский конфликт, “пренебрежение” целенаправленным “продвижением демократии” как в самой России, так и на постсоветском пространстве. Решительно не принимались его “заигрывания” с Кубой, Венесуэлой, другими левыми латиноамериканскими режимами. “Неоконы” подталкивали Обаму к войнам против Ливии, Ирана, Сирии. Ни под каким “соусом” не принимали даже малейших сокращений расходов на оборону (The Washington Post. September 5, 2011; January 10, 2012; August 24, 2012; The Financial Times. March 30, 2012; The American Conservative. August 9, 2013; The National Interest. August 25, 2011; September 17, 2013; The National Review. October 10, 2010; The Heritage Foundation. October 27, 2010; Foreign Policy. November 12, 2010).

Президентство Обамы еще не завершено. Выставлять полнокровную оценку его деятельности, в том числе внешней политике, преждевременно. Тем не менее некоторые выводы сделать можно. Обама показал, что реальные возможности президента влиять на политику велики. Он поставил целью внести либерально-прогрессистские коррективы в бушевскую концепцию миропорядка и добился конкретных результатов. “Однополярному миру”, основанному на гегемонии США, была противопоставлена концепция мультипартнерства и взаимодействия Соединенных Штатов с ведущими международными игроками, в том числе с Россией, Китаем и ООН в поддержании международного мира, борьбе с терроризмом, ограничении ядерной угрозы. Вместе с тем, и это ярко проявилось во время украинского кризиса 2014 г., Обаме не удалось избежать гегемонистского искуса вмешательства во внешнюю политику постсоветских государств и сдержать свое обещание исключить постсоветское пространство из сферы цивилизационного влияния и господства США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антиамериканизм сегодня // The International Herald Tribune. August 23, 2007 (<http://www.inosmi.ru/world/20070823/236214.html>).
- Внешняя политика администрации Б. Обамы (2009–2012 гг.). М., 2012.
- Каширина Т.В. Проблема сокращения стратегических наступательных и оборонительных вооружений в российско-американских отношениях постсоветского периода // Новая и новейшая история. 2014. № 3.
- Обама Б. Дерзость надежды. Мысли о возрождении американской мечты. СПб., 2008.
- Обама представил военную стратегию США // Российская газета. 2012. 6 января.
- Перезагрузка: выигрышные итоги // Российская газета. 2011. 9 марта.
- Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года. Москва, Кремль // (<http://www.kremlin.ru/news/19825>).
- Почему наши враги – и наши друзья – нас ненавидят // Los Angeles Times. February 26, 2007. (<http://www.inosmi.ru/world/20070226/233099.html>).
- Согрин В.В. В. Вильсон в американской внешнеполитической традиции // Американский ежегодник. 2013. М., 2013⁶.
- Согрин В.В. История США. СПб., 2003.
- Согрин В.В. Меняющееся восприятие США в постсоветской России // Общественные науки и современность. 2013⁸. № 6.
- Согрин В.В. Рождение американской империи: 1898–1918. Причины, цели, методы // Новая и новейшая история. 2013⁹. № 3.
- США планируют завершить развертывание системы ПРО к 2021 г. // Российская газета. 2012. 3 мая.
- McFaul M. Advancing Democracy Abroad: Why We Should and How We Can. New York, 2009.
- National Security Strategy. May 2010. Washington, 2010.
- Remarks by the President on a New Beginning. Cairo University. June 4, 2009.

© В. Согрин, 2014